

То и дело открываются двери крохотного офиса, кто-нибудь заглядывает и спрашивает: «Он уже тут?» Секретарша за письменным столом только качает головой. На единственном стуле перед столом сидит загорелая красotka в белом мини-платье. Мы разглядываем друг друга недоверчиво, потому что оба мы приглашены на половину первого. Федерико Феллини появляется в дверях без опоздания, коротко скользит по мне взглядом, целует красотку в обе щеки и опять прокладывает. С ней.

Так, думаю я, это надолго. Десять месяцев пытаюсь я встретиться с ним, чтобы поговорить о его новом фильме, десять месяцев меня уговаривают подождать, водят за нос, отменяют приглашения. А теперь это. В голове я уже сочиняю беспорядочную статью, которая изобилует общими местами: паша, высокомерен, лжец, тщеславен и так далее.

Я все еще ярюсь про себя, в то время как шофер везет меня в ресторан. Ну, подожди, думаю я, теперь от меня хотят отделаться хорошим обедом, но...

Феллини сидит в углу шумного ресторана «К раю на земле». Когда я подхожу к столу, он спрашивает своего пресс-агента: «Сколько он ждал?» — «Десять месяцев». Феллини: «Это еще куда ни шло». И прежде чем я успеваю задать свой первый вопрос, он начинает отвечать: «Дорогой... эээ (он далекозорко и вертит мою карточку в руке, с трудом разбирая имя), нтак, дорогой Клаус, этот фильм я начал год назад. Больше я ничего не помню. Несколько глупостей, которые можно сказать по этому поводу, я уже сказал».

Чудесно, думаю я, еще вчера пресс-агент передал мне: «У вас только полчаса, Феллини просит задавать короткие простые вопросы о фильме». Феллини накладывает мне картошку на тарелку: «...как настоящий немец, — смеется он, — ну а почему мы не говорим о моем следующем фильме?»

— С удовольствием, — говорю я.

— Но у меня нет идеи для следующего фильма.

— А как приходится вам идеи?

Клаус ЛУТТЕРБЕК, западногерманский журналист

Шутка всерьез, или Обед с Феллини

Феллини раздраженно поднимает глаза от тарелки:

— Как я уже говорил во многих автобиографических книгах, это происходит так: я подписываю договор, кладу в карман большой аванс, не хочу выплачивать его назад и должен потому звать идею прийти мне в голову. Это и есть вся правда о моем творческом процессе.

Но обещаю, как только я узнаю об этом что-то еще, я поделюсь с вами.

Он подает мне зеленую фа-

соль и хитро смеется. Его живые глаза все время блуждают по залу. То и дело он посылает загорелой красавице воздушные поцелуи. Она сидит на два стола дальше и смотрит оттуда злым взглядом.

Феллини говорит без моего вопроса:

— Я терпеть не могу интервью. Я их много дал, все без охоты, я считаю их дурно об этом что-то еще, я поделюсь с вами.

Что я должен, собственно, сказать?

— Расскажите все же о вашем фильме.

— Перед фильмом я не могу болтать о такой тонкой работе. Я тогда упрям, как баран, ишу ссор, как всегда, когда я готовлю новый фильм... Да, таково мое внутреннее состояние перед фильмом: почти ненависть, во всяком случае — глубокая антипатия. Во время съемок у меня нет времени. А после? Это же не имеет смысла. Ведь фильм уже есть.

Мы едим шинат, за столом тихо. Феллини:

— Я здесь, чтобы дать интервью. Спрашивайте дальше.

— Что я должен спрашивать, если вы не отвечаете? Он смеется:

— Вы были на съемках?

— Да, дважды. Я хотел поговорить с вами.

— А я что сказал?

— Вы очень любезно сказали «да», послал меня к пресс-агенту, а он очень дружелюбно сказал «нет».

Феллини смеется:

— Мы всегда так делаем.

— Теперь вы расскажете мне о вашем фильме?

— Ах, это очень утомительно — распоряжаться! Я имею в виду не приказывать, нечто большее, быть единственным, кто знает, куда двигаться вся история. Если все к тому же высказывают свое

мнение, корабль где-нибудь да пойдет ко дну.

— Вы знали, куда идет вся история?

Феллини делается зол:

— Как можно вообще задавать такой вопрос?

— Разве вы сами не способствовали тому, чтобы создать этот образ: гениальный Феллини, творящий в обстановке хаоса?

— Чувш. Я не тот фольклорный герой, не тот человек Ренессанса из Италии, каким меня все время выставляют газеты!

Его плохое настроение улетучивается так же быстро, как пришло. Лицо снова принимает хитрое выражение, словно он хочет сказать: «Внимание, то, что последует сейчас, вполне может оказаться правдой!»

— Так просто... — Я мог бы попробовать посмотреть назад и найти маленькие события, которые привели к тому, что...

— ...я думаю, это было бы увлекательно.

— Да, я тоже, но я не думаю, что и это смогу.

Официант приносит раков Феллини говорит: «Прекрасно!», и принимается за еду.

— Как называются раки по-немецки? — спрашивает он меня.

— Тоже скампи.

— Ага, тоже скампи! Вам нравятся в Италии? — Он надкусывает клешню и высасывает ее.

От души смеется, и его глаза заглядывают хитро.

— Голосовали ли вы во

время последних выборов?

— Послушайте, я человек, который живет в Чинечитте, ну, и я могу рассказывать вам только что-нибудь об этом городе фильмов. Я любопытен ко всему, что случается вне Чинечитты, все это нахожу весьма заманчивым... Я хватаю оттуда все, что мне может понадобиться, тащу в стены Чинечитты, чтобы сделать из этого фильм. Но о жизни там, снаружи, я не могу вам ничего сказать.

— О чем же тогда? О фильме вы тоже ничего не хотите сказать.

Полчаса как раз прошло.

— Это — поезд, потому что моя судьба — поезд, который привез меня к тому, что я сделал «8 1/2», «Сатирикон» и теперь «Корабль»...

— Так просто... — Я мог бы попробовать посмотреть назад и найти маленькие события, которые привели к тому, что...

— ...я думаю, это было бы увлекательно.

— Да, я тоже, но я не думаю, что и это смогу.

Официант приносит раков Феллини говорит: «Прекрасно!», и принимается за еду.

— Как называются раки по-немецки? — спрашивает он меня.

— Тоже скампи.

— Ага, тоже скампи! Вам нравятся в Италии? — Он надкусывает клешню и высасывает ее.

От души смеется, и его глаза заглядывают хитро.

— Голосовали ли вы во

— Очень! — говорю я со ртом, полным скампи.

— Немцы, они любят Италию. Гёте. Италия — она скорее мать, феминна, мягкая, соблазнительная. У вас скорее культ отца, Вотан...

Скампи трещат.

— Я думаю, нам, немцам, есть чему тут поучиться. Мы не можем сегодня рассказывать одно, а завтра другое, как вы, например. Мы всегда серьезно воспринимаем то, что мы говорим.

— Послушайте, сокровище мое, меня всегда очень смущает, когда во время интервью меня сталкивают с тем, что и когда-нибудь кому-нибудь должен был рассказать. Это те же самые вещи, которые я рассказывал когда по дружбе, когда из сострадания или потому, что мы так договорились...

Официант приносит нам рыбу. Феллини раскладывает по тарелкам. К счастью, я вспоминаю, что читал по пути к Феллини, что и он в молодости работал журналистом. Я спрашиваю его:

— Когда вы были журналистом, что сделали бы вы с режиссером, который не может ничего вспомнить о своих фильмах?

Его пресс-агент начинает хихикать, Феллини смотрит удивленно. После долгой паузы он начинает нерешительно:

— Я писал как-то для маленькой киногазеты. Ее выпускал портной неподалеку. Правда, портной. У него на пиджаке всегда были нитки. Я должен был для него проинтервьюировать Тото. Он тогда еще не был кинозвездой, а выступал в загородных варьете. Он робел в присутствии журналиста, говорить

он вообще не хотел. С угрюмой физиономией он сказал мне на неаполитанском диалекте: «Напиши! Мне нравятся две вещи: деньги и киски!» Я из Римини, не понял выражения на диалекте. Я думал, это название книги, как Коран или откуда я знаю что, новый вид спорта, Йога... Я это так и написал... Тото очень понравилось.

Между тем за столом две минуты назад произошла перемана. Любезный, но скупающий суперрежиссер, который давал почувствовать каждому жестом и каждой фразой, что и в этот раз он не желает давать то, что по всем канонам называется интервью, превратился в Феллини. Его глаза блестят, он жестикулирует, в его голосе вдруг так же много оттенков, как в его фильмах...

Перед нами возникает ателье, в котором между делом делается киногазета, я вижу нитки на пиджаке портного. «Когда надо было брать ин-

тервью у женщины, он всегда шел сам».

Феллини делит абрикос.

— Если бы передо мной был сейчас кто-то, похожий на меня, кто попросту помолчал бы, тогда я рассказал бы что-нибудь такое...

— Отлично, — говорю я, — дальше!

Следует история о том, как Феллини однажды должен был писать для провинциального листка об известнейших велогонках Италии — Giro d'Italia.

— Я не был спортивным человеком, скорее был немногочисленным провинциальным событием. Ну и я больше высматривал велогонки, которые меня интересовали. Например, как они сидят на велосипедах.

При этом Феллини сдвигается со стула и представляет, как они сидели...

— А что у них были за задницы! Боже мой! Первая часть моего материала имела некоторый успех. Вторая вызвала волнение. Речь шла об одном гонщике, здоровенном парне. Он хватал свой велосипед, как игрушку, зажимал его ногами и гнал вперед... Как машина. В Пескаре, где был отдых, он захотел пойти

погулять с девушкой, но девушка увели тренеры, а его заперли в номере. Бушевал там и ревел. Я это видел и все написал. Через день, когда материал как раз только что появился, парень обнаружил меня на старте и помчался за мной через весь стадион Рити. Я упал, и, увы, он меня настиг. Мой издатель с этого момента больше не хотел со мной работать.

— Вы хотели стать журналистом?

— Да, или актером, или скульптором, или художником. Моя мама всегда хотела, чтобы я был священником. Или чтобы я по крайней мере сдал какой-нибудь экзамен. Даже сегодня, когда ей 87, она спрашивает меня: «Не было бы лучше, если бы ты сдал экзамен? Тогда бы у тебя было по крайней мере что-то серьезное...»

Ваша мама смотрит ваш фильм?

— Больше нет. После «Сладкой жизни» наступил конец. Тогда был священник в Римини, такой старый прелат, он рассказал моей маме, что она произвела на свет дьявола. Она, как добрая католичка, конечно, ужаснулась и увидела себя отныне

вместо матери священника матерью дьявола.

— Вы ходите в кино?

— Нет. Даже ребенком я едва туда заглядывал. Меня всегда больше привлекало выдумывать самому себе, стоя перед киноафишами, что там произойдет.

— Какой же фильм вы смотрели последним?

— Превосходный, великий фильм испанца Бюньозля «Скромный шарм буржуазин».

— Но этому фильму уже несколько лет.

— Да? Я его видел по телевизору. С Бюньозлем я познакомился в Каннах, великолепный тип со своим слуховым аппаратом в ухе. Знаете, что он сделал? Он дал оплеуху кинокритику, точно, журналисту из «Штерна».

— Правда? А как его зовут?

— Все чудш, полная неправда. Но Бюньозль действительно однажды вмазал одному, который написал что-то гнусное о моем фильме.

— А ваш новый фильм? Что же происходит в фильме?

— Я не знаю... Посмотрите его.

Перевел с немецкого А. ЯСЕНЕВ

тервью у женщины, он всегда шел сам».

Феллини делит абрикос.

— Если бы передо мной был сейчас кто-то, похожий на меня, кто попросту помолчал бы, тогда я рассказал бы что-нибудь такое...

— Отлично, — говорю я, — дальше!

Следует история о том, как Феллини однажды должен был писать для провинциального листка об известнейших велогонках Италии — Giro d'Italia.

— Я не был спортивным человеком, скорее был немногочисленным провинциальным событием. Ну и я больше высматривал велогонки, которые меня интересовали. Например, как они сидят на велосипедах.

При этом Феллини сдвигается со стула и представляет, как они сидели...

— А что у них были за задницы! Боже мой! Первая часть моего материала имела некоторый успех. Вторая вызвала волнение. Речь шла об одном гонщике, здоровенном парне. Он хватал свой велосипед, как игрушку, зажимал его ногами и гнал вперед... Как машина. В Пескаре, где был отдых, он захотел пойти

погулять с девушкой, но девушка увели тренеры, а его заперли в номере. Бушевал там и ревел. Я это видел и все написал. Через день, когда материал как раз только что появился, парень обнаружил меня на старте и помчался за мной через весь стадион Рити. Я упал, и, увы, он меня настиг. Мой издатель с этого момента больше не хотел со мной работать.

— Вы хотели стать журналистом?

— Да, или актером, или скульптором, или художником. Моя мама всегда хотела, чтобы я был священником. Или чтобы я по крайней мере сдал какой-нибудь экзамен. Даже сегодня, когда ей 87, она спрашивает меня: «Не было бы лучше, если бы ты сдал экзамен? Тогда бы у тебя было по крайней мере что-то серьезное...»

Ваша мама смотрит ваш фильм?

— Больше нет. После «Сладкой жизни» наступил конец. Тогда был священник в Римини, такой старый прелат, он рассказал моей маме, что она произвела на свет дьявола. Она, как добрая католичка, конечно, ужаснулась и увидела себя отныне

вместо матери священника матерью дьявола.

— Вы ходите в кино?

— Нет. Даже ребенком я едва туда заглядывал. Меня всегда больше привлекало выдумывать самому себе, стоя перед киноафишами, что там произойдет.

— Какой же фильм вы смотрели последним?

— Превосходный, великий фильм испанца Бюньозля «Скромный шарм буржуазин».

— Но этому фильму уже несколько лет.

— Да? Я его видел по телевизору. С Бюньозлем я познакомился в Каннах, великолепный тип со своим слуховым аппаратом в ухе. Знаете, что он сделал? Он дал оплеуху кинокритику, точно, журналисту из «Штерна».

— Правда? А как его зовут?

— Все чудш, полная неправда. Но Бюньозль действительно однажды вмазал одному, который написал что-то гнусное о моем фильме.

— А ваш новый фильм? Что же происходит в фильме?

— Я не знаю... Посмотрите его.

«Татаркорд, Федерико?», «Ты помнишь, Федерико?» — так на римском диалекте называлась выставка фотографий, сделанных на съемках фильмов Феллини. Слева направо: Феллини с Марчелло Мастрояни («Город женщин»), с Сарой Джейн в последнем фильме режиссера «И плавет корабль», с Дональдом Сазерлендом («Казанова»).

вместо матери священника матерью дьявола.

— Вы ходите в кино?

— Нет. Даже ребенком я едва туда заглядывал. Меня всегда больше привлекало выдумывать самому себе, стоя перед киноафишами, что там произойдет.

— Какой же фильм вы смотрели последним?

— Превосходный, великий фильм испанца Бюньозля «Скромный шарм буржуазин».

— Но этому фильму уже несколько лет.

— Да? Я его видел по телевизору. С Бюньозлем я познакомился в Каннах, великолепный тип со своим слуховым аппаратом в ухе. Знаете, что он сделал? Он дал оплеуху кинокритику, точно, журналисту из «Штерна».

— Правда? А как его зовут?

— Все чудш, полная неправда. Но Бюньозль действительно однажды вмазал одному, который написал что-то гнусное о моем фильме.

— А ваш новый фильм? Что же происходит в фильме?

— Я не знаю... Посмотрите его.

Перевел с немецкого А. ЯСЕНЕВ

Перевел с немецкого А. ЯСЕНЕВ

Перевел с немецкого А. ЯСЕНЕВ

Перевел с немецкого А. ЯСЕНЕВ

Перевел с немецкого А. ЯСЕНЕВ

Перевел с немецкого А. ЯСЕНЕВ

Перевел с немецкого А. ЯСЕНЕВ

Перевел с немецкого А. ЯСЕНЕВ

Перевел с немецкого А. ЯСЕНЕВ

Перевел с немецкого А. ЯСЕНЕВ

Перевел с немецкого А. ЯСЕНЕВ

Перевел с немецкого А. ЯСЕНЕВ